

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.15

А.В. СКОРОБОГАТОВ,
доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

Статья посвящена анализу особенностей развития официальной российской идеологии. Предметом статьи является использование государственно-правовых идей в официальной идеологии Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв., задачей – теоретическое осмысление идеологии как функции и продукта жизнедеятельности государственного аппарата.

Рассматривая официальную идеологию как «совокупность идей, с помощью которых существующий политический режим обосновывает свое право на власть и которыми он руководствуется в своей повседневной деятельности» [1, с. 122], можно отметить, что наиболее полно она раскрывается в нормативных актах, публичных выступлениях главы государства и различных церемониальных действиях.

В этом процессе особое значение приобретает номинативная функция государственного аппарата или преимущественное право государства на номинацию своих составляющих, а также ритуализация и стандартизация всех внутрисистемных отношений. В первом случае основным способом самовыражения будет слово. Во втором – ритуал как вербальный, так и жестовый, то есть предписание определенного способа поведения внутри системы.

Определяемый местом в иерархии тип поведения, исполнение всех ритуалов, именование себя и других установленным образом гарантирует включение индивидуума в государственную систему, обеспечивает право на су-

ществование в ней. Нарушение же этих норм влечет за собой отторжение государством не вписывающегося элемента: или игнорирование, или наказание.

Основными инструментами в этой деятельности являются государственное законодательство (при отсутствии свода законов это систематическая публикация административных распоряжений) и, отчасти, печать, в том случае, если она находится под государственным контролем. Выработку государственных ритуалов и эмблематики можно рассматривать как вспомогательное мнемоническое средство фиксации государственного идеала.

На рубеже XVIII–XIX вв. во главе Российской империи встал Павел I. В силу особенностей мировоззрения монарха в его царствование большую роль приобрел третий вид проявления официальной идеологии, то есть различные церемониальные действия. Император через них пытался показать, что он одновременно является русским царем и европейски просвещенным монархом. Во время своего правления он стремился облачиться в символические фор-

мы, которые могли бы вознести его царствование над опасностями революций и придворных заговоров. В разное время он выступал как воплощение Ивана Грозного и Петра Великого, Фридриха Великого и Людовика XIV, православного царя и вождя ордена крестоносцев. Он играл эти роли с фанатическим усердием, принуждая дворянство соглашаться с этим, не обращая внимания на их чувства и мнение. Его разнообразие настроений и способность постоянно менять поведение казались дворянам пародией на манеру Петра, которому Павел I, по его собственному мнению, следовал.

Хотя Павел Петрович был законным наследником престола, он последовал образцу насильственного вступления на престол, смело порвав с царствованием матери. Зимний дворец стал походит на казармы, в его залах эхо разносило стук сапог и бряцание шпор. Утром 7 ноября, на следующий день после восшествия на трон, в 11 утра Павел I провел свой первый вахтпарад [2, т. 23, № 17351; 3, с. 297-294; 4, с. 52-53]. Двадцать девятого ноября он издал указ, вводящий в русской армии новое устройство [2, т. 23, № 17588].

Вступление на престол нового монарха воспроизводило петровскую демонстрацию силы и насильственное введение им иностранных манер и одежды. Но павловское исполнение темы завоевания нарушало общий сценарий XVIII в., согласно которому дворянство должно было получить от насилия прибыль. Павел I исключил дворянство из сценария, превратив его из братьев по оружию в объект завоевания, пронизанный насквозь «гатчинскими шпионами в прусском платье». Дворяне обнаружили себя сброшенными с олимпийских высот екатерининского времени, в роли подчиненных, под командой гатчинских слуг нового императора. Его военные манеры поразили их не как пример западного управления, а как шаг назад, сравненный ими с Германией XVI в. или турецким деспотизмом [3, с. 300-301].

В ответ на французскую революцию Павел I представил себя защитником традиционной власти. Его краткий манифест при вступлении на престол 6 ноября 1796 года ссылался на «Наш

прародительский, наследственный, императорский, всероссийский Трон». Принцип наследственности получил перевес над принципом общественной выгоды, который был упомянут лишь в последней строке – прощении к Богу о помощи в достижении «процветания Империи и благосостояния наших верноподданных» [2, т. 23, № 17530].

В первые недели после смерти матери Павел I занялся восстановлением памяти отца в истории империи и возвышением символов наследственной монархии. Девятнадцатого ноября он и члены императорской семьи присутствовали на церемонии вскрытия могилы Петра III в Александро-Невской Лавре. Гроб был вскрыт, и члены семьи приложились к останкам. Двадцать пятого ноября Павел провел погребальную коронацию Петра, возложив корону на гроб отца. Затем императорская семья возвратилась в Зимний дворец. В Тронном зале два камердинера подняли труп Екатерины, а Императрица Мария Федоровна возложила на него корону, ту же самую, которой Петр I короновал Екатерину I. Спустя неделю гроб Петра III был доставлен в Зимний церемониальной процессией по улицам Петербурга, сопровождаемый кавалергардами и конными гвардейцами. Восьмидесятилетний Алексей Орлов как бы принес покаяние за участие в перевороте 1762 г., неся за катафалком Большую корону. Петр III и Екатерина II были соединены после смерти, их гробы были поставлены рядом в Большой галерее дворца. Большая корона была изображена на гробе Петра III, меньшая – на гробе Екатерины II. Погребальная процессия к Петропавловскому собору еще более понизила Екатерину в звании: на гробе Петра III лежала Большая корона, на гробе Екатерины II – ничего [5, 1796, с. 788-791, 821-824, 860-868].

Это было символическим и посмертным низложением Екатерины как правящего монарха и восстановлением прямой связи между Павлом и отцом. По-своему Павел I создал символическую непрерывность наследственного правления и начал процесс сакрализации регалий, которые в его царствование были скорее символами наследственного правления, чем

имперской власти как таковой, что было характерно для Московской Руси. Серия гравюр, выполненных по этому случаю, дает графическое подтверждение его стремлению восстановить этот миф. Самая изящная аллегория – «Сыновняя верность». Фигура «сыновней верности» держит медальоны Петра и Екатерины в небесах. Внизу, Павел I целует урну с прахом отца. «История» запечатлевает этот момент в своей хронике, восстанавливая этим миф императорской семьи, в то время как «соединенные народы созерцают это событие». Рельеф на жертвеннике изображает Петра I и Петра III, приветствующих Екатерину II, только что прибывшую в Элизиум. На другом – изображена эксгумация Петра III, на третьем – Павел I на коленях перед воскресшим отцом [6, т. 2, стлб. 1224-1226].

Коронация Павла I в апреле 1797 г. представила образ и модель власти, которая, по его мнению, наведет порядок в государстве. Если Елизавета Петровна и Екатерина II играли роли избавительницы и благотворительницы по отношению к ликующему отечеству, то Павел I появился перед Москвой как носитель порядка и стабильности, воплощение дисциплины, которая должна уничтожить распущенность «потемкинского духа». Перед прибытием двора Москва преобразилась. Его торжественный въезд в Москву 28 марта воспринимался не римским триумфом, а парадом прусского завоевания. Даже дворцовые слуги были принуждены ехать верхом в форме, напоминавшей потрясенным зрителям нелепую имитацию прусской. Радости, принужденной или нет, выказано не было. Вахтпарады происходили ежедневно, даже на Святой неделе. Военный мир Гатчины показал себя в Москве, и зрители, наблюдая за войсками, одетыми в прусскую форму и марширующими в прусском стиле, воображали себя в Потсдаме или Берлине [3, с. 341-343].

Действия Павла I во время коронации были символичны и опирались на русские традиции, но одновременно заложили новые традиции. В частности, когда процессия подходила к Красной площади, он остановился у Иверской часовни, заключавшей чудотворную икону, спешился и молился перед иконой. Это было пер-

вым проявлением набожности в процессии входа, и создало прецедент, которому следовали все последующие императоры [7].

Коронационные празднества представили Павла I верховным религиозным вождем, который отмечен знаком свыше. Вход в Москву состоялся в Вербное воскресенье, таким образом, приближаясь к входу Христа в Иерусалим. Коронационные оды особенно обращались к императорскому религиозному чувству; в них он сравнивался с Христом, цитировались слова, обращенные к Христу, как ранее к еврейскому патриарху: «Благословен Грядый во имя Господне». Платон, Митрополит Московский и прежний учитель Павла, произнес эту фразу, встречая Павла I на паперти Успенского собора [8, с. 144].

Церемония коронации произошла в Пасхальное воскресенье 5 апреля 1797 года в соответствии с представлением императора о его высокой религиозной миссии. В законе о престолонаследии от 5 апреля 1797 года впервые говорилось о монархе как «Главе Церкви», что только де-юре закрепило сложившуюся после отмены Петром Великим патриархата ситуацию. Павел I, однако, принял эту роль буквально и верил, что приобщение в алтаре на самом деле возложило на него статус священника. В этом он также был не согласен с природной символикой власти.

Увязка закона о престолонаследии с коронацией [9, с. 100; 10, с. 524] освятила его, сделав священным документом, начинающим новую эпоху. Император создал новую святыню, вызывающую поклонение как воплощение высшей власти. Для Петра Великого и его преемников регалии были выражением западного характера их власти и богатства, а, следовательно, прогресса российского государства. Для Павла I физические объекты заключали священную сущность монархии, требующую беспрекословного повиновения власти его наследников.

Несмотря на церковные атрибуты, закон о престолонаследии был выражен по-прежнему в традициях утилитаристской риторики XVIII века. Принцип наследственности не вытекал из религии или традиции, но, определяемый «ес-

тественным законом», устанавливал «спокойствие Государства, ... основанное на твердом законе наследования, в котором каждый здравомыслящий уверен». Если закон о престолонаследии Петра I защищал монархию от коварного сына, новый закон поддерживал сыновние права и не оставлял места амбициям супруги. Любовь теперь определялась не как взаимная привязанность монарха и подданных, но как верность и постоянство, воплощаемое в членах императорской семьи, отождествляющих свою судьбу с судьбой государства. Заключительные слова закона объявляли его «доказательством перед всем Миром Нашей любви к Отечеству, любви и гармонии Нашего брака и любви к Нашим Детям и Потомкам» [2, т. 23, № 17910].

Претензии Павла I на всемирную религиозную миссию проявились в ношении далматика – священнического оплечья, которое носили императоры Священной Римской империи и французские короли во время коронаций, а также в определенных случаях архиепископы. Далматик означал и священный сан Павла, и его всемирные притязания. В следующие за коронацией недели Павел объявил о своем желании совершать богослужения и заказал для этой цели пышные одеяния. Он также желал служить исповедником для членов императорской семьи и министров, но был разубежден Синодом, приведшим в качестве аргумента запрещение служить тем, кто женился вторично [11, с. 121].

Именно как религиозный вождь Павел I в день коронации издал манифест, запрещающий помещикам заставлять крестьян работать в воскресенье. Манифест, прочитанный в Грановитой палате перед коронационным пиром, объявлял, что Писание велит посвятить седьмой день Богу, и Павел I считает своим долгом укрепить «точное и неизменное исполнение этого закона». Он также добавил, что остальные шесть дней должны или могут быть разделены поровну между барщиной и работой на своем поле. Цели, смысл и практический результат этого предписания остаются не до конца ясными [2, т. 23, № 17909; 12, с. 528-569; 13, с. 283-299].

Статут об Императорской Фамилии, обнародованный также в день коронации, сделал

связь между благополучием императорской семьи и благосостоянием государства необходимым условием российской автократии. Он установил «увеличение фамилии Монарха» в качестве одной из основ «процветания государства». Россия уже получила благословение свыше, «видя, что наследие Трона надежно заключено в Нашей Семье, да даст Ей Всевышний вечно продолжаться». Этот статут определял поместья и доходы, причитающиеся членам императорской семьи, их титулы и права наследования, которые они получают. Согласно статуту был создан Департамент Уделов, чтобы вести дела с поместьями и доходами императорской фамилии. В день коронации Павел I сделал еще один шаг к прославлению Семьи. Он возродил значение голштинского ордена Святой Анны, основанного Петром III, включив его в иерархию российских орденов [2, т. 23, № 17906].

Однако священнические устремления Павла I не заслонили его военных пристрастий, развившихся в период «гатчинского затворничества» [14]. Скорее, они показывали, что он не видел особенной разницы между типами правительственной службы и подчинения. Он назначал священников членами почетных орденов, эта практика вызвала гневные возражения его учителя, митрополита Платона. Император не снимал шпаги во время коронации и помазания. Только упрек Платона: «Здесь мы приносим жертву бескровную», – заставил его снять ее, прежде чем войти в алтарь для причастия [15, т. 1, с. 343].

В мировоззрении Павла I произошел сплав военного и священника, выросший из его детских мечтаний о том, чтобы стать вождем средневекового рыцарского ордена русских дворян. В день коронации он издал Статут об Орденах Российской Империи, где заявил об их символичности для его правления. Возвышенная риторика начальных фраз напоминает о славе рыцарской традиции: «Вскоре после того, как свет Евангельского просвещения распространился по вселенной и Истинная вера победила зло, Рыцарские Сообщества были основаны для защиты набожности и невинности, и также чтобы поощрять дела, угодные Богу и полезные человечеству. Они, будучи под защитой Высшей Вла-

сти, со временем все расширялись и росли» [2, т. 23, № 17908, Преамбула].

России, однако, не нужно было брать пример с Европы, – продолжала преамбула, – так как Петр Великий уже установил такие ордена (имелись в виду ордена Св. Андрея и Св. Екатерины). Таким образом, Павел I смешал средневековое значение рыцарских орденов с их позднейшей функцией награды за службу абсолютному монарху. Ордена должны были превратить службу дворянина государству в христианскую службу императору как первосвященнику и монарху. Было обращено внимание на то, чтобы указать религиозное значение времени издания статута: «В тот самый день, который для Христианина отмечен печатью Нашего всеобщего Спасения, и когда Мы Нашей Коронацией на Всероссийский Престол и Нашим Святым Помазанием соделаны достойными благословения Пресвятого Духа» [2, т. 23, № 17908, Преамбула].

Статут закрепляет реорганизацию всех этих почетных орденов в единый общий орден, «как в единое тело». Имитируя западный образец, император должен был сам посвящать в его члены трехкратным прикосновением шпаги к плечу. Также указываются вознаграждения (число крепостных и пр.), приписанные к каждой степени ордена. Под его покровительством должны были состоять благотворительные учреждения – сиротские приюты, госпитали, богадельни. Предполагалось, что кавалеры ордена будут посещать образовательные и благотворительные учреждения во время путешествий и предлагать императору возможные пути их улучшения.

Пристрастие Павла I к церемониям отразилось в его точных предписаниях для торжественных орденских актов, правилах ношения одежды, медалей и лент, указанных в статуте, в эти дни. Император ввел праздник для всех ветвей нового ордена – 8 ноября, день Архангела Михаила. Архангел обычно назывался традиционным для православия словом «Святой Архистратиг Михаил». Статут указывал, что орденский акт в этот день должен будет происходить в церкви Архангела Михаила в будущем Михайловском замке [2, т. 23, № 17908, Преамбула].

Архангел, небесный предводитель Церкви Торжествующей, стал основным символом возвышенной миссии Павла I [11, с. 200]. Рыцари российского ордена, таким образом, заняли свое место в Церкви Воинствующей и вступили в битву за всеобщее спасение.

Послекоронационные события были выстроены так, чтобы представить скорее величественное зрелище власти Павла I, чем радости освобожденных от опасности подданных. Он превратил церемонии в насильственное поклонение себе, используя императорские регалии как символ своего возвышенного служения. Корона и мантия постоянно одевались для придворных процессий и церемоний, начиная со времени поздравлений после коронации. Эта практика продолжалась все царствование, к каждой праздничной службе и каждому причащению при этом добавлялась церемония надевания короны [5, 1798, т. 1, с. 44-45]. Регалии были переделаны в еще более роскошные. Новый золотой скипетр был обсажен алмазами, а на конце закреплен огромный бриллиант «Орлов». Сапфировая держава также блистала алмазами. Корона Екатерины была увеличена, жемчужины заменены на бóльшие. Эти три регалии стали традиционными для коронации императоров XIX века [16, с. 306].

После коронации Павел I постоянно изобретал поводы для дополнительных церемоний. Он ездил из Кремля в загородную резиденцию так часто, как только возможно, чтобы увеличить число процессий. Он установил и требовал неукоснительно выполнять правило, по которому каждый прохожий должен был становиться на колени, встретив на дороге любого члена императорской семьи. Он испытывал терпение двора все новыми церемониями. Французский посол писал: «Невозможно передать, до какой степени Павел любит церемонии, какую важность он им придает, и сколько времени проводит за ними». Должность главного церемониймейстера, – добавляет посол, – стала одной из главных при дворе [17, г. 213].

Наиболее характерным и полным примером регламентации является установление формы обращения к Императору («О титуле Его Импе-

раторского Величества. – С приложением форм клятвенного обещания» [2, т. 24, № 17635]). То, каким образом должно именоваться лицо, облеченное верховной властью в государстве, в значительной степени характеризует всю государственную систему. Имя императора в данном случае является образом главы государства и всего государства в целом.

Так, в установленной развернутой форме обращения присутствует перечисление всех регионов, входящих в состав Российской Империи, таким образом, определяются государственные границы и утверждается над ними верховная власть в одном лице. Этот фактор имеет как внешне-, так и внутривластный смысл. В первом случае косвенно определяется то, что не может называться Российской империей, и за этим косвенно признается право на автономию от ее власти.

Внутривластная функция сложнее. Такое обращение предполагает всякий раз воспроизводимое признание подданными своего подданства и всех прав императора в качестве главы указанного государства, в том числе и права именоваться таким образом. Здесь характерно объединение в одном указе формы обращения с установлением форм клятвенного обещания и присяги. При подтверждении своего признания идентичности императора с его именем подданный получает право на подобное обращение – просьбу, донесение, образцы которых тут же устанавливаются. Вообще вступить в контакт с государством можно, только обратившись с прошением в установленном виде, тем самым подтвердив признание всей государственной системы. Применение подобных формул устанавливает отношения подданства между императором-государством и индивидуумом.

Острота ситуации усиливается еще такой особенностью павловского представления о верховной власти, как предполагаемая непосредственность ее осуществления. Явление не уникальное для русских монархов, но особенно характерное для Петра I и Павла I. Совершенно в русских средневековых традициях Павел I, как

Господь Бог, хотел быть одновременно и вне государства, и внутри него.

Но то, что выглядело стройно и разумно в идеологической конструкции, в государственной практике оказалось несостоятельным. Использование идей традиционной русской государственности было уже невозможно в европеизированном екатерининском государстве. Подобная практика создавала идеологически благоприятные предпосылки к перевороту.

Список литературы

1. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. – М., 1995.
2. Полное собрание законов Российской империи. – 1-е собр. – СПб., 1830.
3. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. – СПб., 1901.
4. Эйдельман Н.Я. Грань веков: политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. – М., 1986.
5. Камер-фурьерский церемониальный журнал (1695-1817). – СПб., 1865-1917.
6. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных книг. – СПб., 1889.
7. Державин Г.Р. Из Сафо: сочинения. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 62.
8. Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты; предисл. и прим. С. Боннэ; пер. с франц. А. Кукеля. – М., 1912.
9. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц; сост. И. Токмаков. – М., 1896.
10. Нольде Б. Законы основные в русском праве // Право. – 1913. – № 9.
11. Шумигорский Е.С. Император Павел; жизнь и царствование. – СПб., 1907.
12. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – Пг., 1916.
13. Окунь С.Б., Паина Э.С. Указ от 5 апреля 1797 г. и его эволюция // Исследования по отечественному источниковедению. – М., 1964.
14. Русский Гамлет / С.А. Порошин, А.Б. Куракин, в.к. Павел Петрович; сост., послесл., имен. указ. А.В. Скопобогатов. – М., 2004.
15. Шильдер Н.К. Император Александр I. – СПб., 1898.
16. Герб и флаг России X – XX века / В.А. Артомонов, Г.В. Вилинбахов, С.Ф. Фаизов, А.Л. Хорошкевич. – М., 1997.
17. McGrew R.E. Paul I of Russia. 1754-1801. – Oxford, 1992.

В редакцию материал поступил 18.03.08.